МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

Айзек Азимов

Спаситель человечества

Серия «Рассказы о демоне Азазеле»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158242
Миры Айзека Азимова. Книга 12: Полярис; Рига; 1994
Оригинал: IsaacAsimov, "Saving Humanity"
Перевод:
Михаил Борисович Левин

Аннотация

Приятель Джорджа Менандр Блок из рассказа Айзека Азимова «Спаситель человечества», входящего в цикл об Азазеле, страдал от того, что при нем ломалась любая аппаратура. Случались различные несчастья с людьми и многие другие неприятности. Он являл собой ходячую порчу. Когда Блок узнал и понял что Джордж может помочь ему…

Айзек Азимов
Спаситель человечества

– Приятель у меня есть, – сказал как-то вечером мой друг Джордж, тяжело вздохнув, – так он клутц.

Я с умным видом кивнул:

– Птица из перьев.

Джордж недоуменно на меня воззрился:

– Причем здесь перья? Потрясающая у вас способность ляпать невпопад. Это, наверное, связано с недостаточным интеллектом – примите не в упрек, а в выражение сочувствия.

– Ну, что ж поделаешь, – ответил я, – какой уж есть. Этот ваш приятель-клутц – это Азазела вы имеете в виду?

Азазел – двухсантиметровый демон или внеземное разумное существо (как вам больше нравится), о котором Джордж говорит постоянно и замолкает только в ответ на прямые вопросы. Теперь он холодно произнес:

– Азазел не предмет для обсуждения, и вообще, я не понимаю, как вы о нем прознали.

– Да подошел к вам как-то ближе чем на милю, – ответил я.

Джордж не обратил на это внимания и продолжал.

Неблагозвучное слово «клутц» я впервые услышал в раз-

говоре со своим приятелем Менандером Блоком. Вы, я боюсь, о нем не слыхали, поскольку он вращается н университетских кругах и очень щепетилен в выборе знакомых, что вряд ли можно поставить ему в упрек, глядя на подобных вам личностей.

Этим словом, как он объяснил мне, называют неуклюжих и незадачливых людей.

– И вот я как раз такой, – сказал он. – Это слово из идиша, и буквально оно означает кусок дерева, бревно, полено, колоду, чурбак, а моя фамилия по-немецки значит примерно то же самое, что и последнее, слово.

Он тяжело вздохнул:

– Понимаете, в строгом смысле слова я не клутц. В моем поведении нет ничего от чурбака или колоды. Я танцую, как зефир, и грациозен, как мотылек, движения у меня кошачьи, а что касается искусства любви, то многие красавицы могли бы его оцепить, если бы я им это позволил. Но вот эта клутцовость проявляется на дальнем расстоянии. Меня при этом не задевает, но клутцом становится все вокруг. Как будто у самой Вселенной заплетаются ее космические ноги. Если смешивать языки – греческий с идишем, то точное слово будет «телеклутц».

– И как давно это с вами, Менандер? – спросил я.

– Всю жизнь, хотя я только уже в зрелом возрасте осознал это свое странное свойство. В юности я объяснял происходящее со мной нормальным ходом вещей.

– Вы с кем-нибудь по этому поводу советовались?

– Конечно, нет, Джордж. Меня бы посчитали за сумасшедшего. Вы себе представляете любого психоаналитика, который встретился с феноменом телеклутцизма? Меня бы с первого нашего разговора отвезли в лечебницу, а доктор бросился бы писать статью о новом психозе и стал бы, может быть, миллионером. Я не собираюсь попадать на всю жизнь в дурдом для обогащения какой-нибудь ученой пиявки. Это нельзя рассказывать никому.

– А мне зачем вы это говорите, Менандер?

– А затем, что мне, с другой стороны, надо это кому-то рассказать, чтобы и вправду не свихнуться. А вас я по крайней мере знаю.

Особой логики я в этом не усмотрел, зато понял, что опять я подвергаюсь приступу откровенности со стороны своих друзей. Это обратная сторона репутации человека донимающего, симпатичного, а главное – умеющего хранить чужие тайны. Никогда поверенная мне тайна не доходила до чужих ушей – вы не в счет, поскольку все знают, что срок действия вашего внимания – несколько секунд, а памяти – и того меньше.

Я сделал официанту знак принести еще выпивку и добавил секретный жест, который знал я один, означающий, что ее нужно включить в счет Менандеру. В конце концов, он мне был обязан.

– А как конкретно, Менандер, проявляется ваш телеклут-

цизм?

– В простейшей форме, которая и привлекла впервые мое внимание, он сказывается на погоде во время моих поездок. Мне не часто приходится ездить, а если приходится, то на машине. И вот всегда, когда я еду на машине, идет дождь. Неважно, какой был прогноз, неважно, что при моем выезде сияет солнце. Собираются тучи, темнеет, начинает моросить дождик и переходит в ливень. А если мой телеклутцизм разыграется, так начинается еще и обледенение. Я, конечно, стараюсь не делать глупостей. По Новой Англии не езжу, пока не кончится март. В прошлом году я ехал в Бостон шестого апреля – так это была первая апрельская гроза за всю историю Бостонского метеорологического бюро. Однажды я ехал в Вильямсбург, штат Виргиния, двадцать восьмого марта, надеясь на несколько дней снисхождения судьбы. Не тут-то было! В Вильямсбурге выпал снег слоем двадцать сантиметров, и аборигены мяли его в пальцах, спрашивая друг у друга, что бы это могло быть. Часто я думал, что если представить себе Вселенную под непосредственным руководством Господа Бога, так рисуется хорошая картинка: вбегает Гавриил и в Божественном присутствии орет, что сейчас вот-вот столкнутся две галактики с разрушительными последствиями для всей Вселенной, а Господь ему и отвечает: «Не приставай с глупостями, я тут должен напустить дождь на Менандера».

Я сказал ему:

– Из каждой ситуации надо стараться извлечь пользу. Вы же могли бы за баснословные гонорары прекращать засухи.

– Я об этом подумывал, но от самой мысли высыхает любой дождь, который мог бы случиться на моем пути. К тому же если бы дождь и прошел там, где он нужен, он мог бы вызвать потоп. Да и не только дождь, или уличные пробки, или пропажа дорожной разметки – есть еще миллионы всяких неприятностей. В моем присутствии неожиданно сама по себе ломается дорогая аппаратура или кто-то роняет ценную и хрупкую вещь, причем без всякой моей вины. Вот в Батавии, в Иллинойсе, есть современный ускоритель частиц. Однажды у них сорвался важнейший эксперимент из-за совершенно непредвиденной и необъяснимой утечки вакуума. И только я знал (на следующий день, прочитав в газете), что в момент утечки я проезжал па автобусе по окраине Батавии. И конечно, шел дождь. В этот самый момент, друг мой, прокисает часть молодого пятидневного вина в погребах этого почтенного заведения. Некто, проходящий сейчас мимо нашего стола, обнаружит, придя домой, что у него в подвале трубы полопались, и как раз тогда, когда он здесь проходил. И все это будет списано на несчастные случаи и совпадения.

Мне стало его жаль. А при мысли о том, что я сижу к нему так близко и что у меня дома может сейчас твориться, кровь застыла в жилах.

Я сказал:

– Вы, попросту говоря, «дурной глаз».

Он откинул голову назад и посмотрел на меня сверху вниз:

– «Дурной глаз» – выражение суеверных старух. «Телеклутц» – научный термин.

– А предположим, что я смогу снять с вас это проклятие, как бы его ни называть?

– Проклятие – точное слово, – серьезно ответил Менандер. – Я часто представлял себе, что злая фея, рассердившись, что ее не позвали на крестины… Вы что, пытаетесь мне объяснить, что вы – добрая фея и можете снимать проклятия?

– Я ни в каком смысле не фея, – твердо оборвал я его. – Просто допустим, что я мог бы избавить вас от этого про… этого состояния.

– Каким, черт побери, образом?

– Достаточно чертовским. Так как?

– А что вам с этого будет? – подозрительно спросил он.

– Моральное удовлетворение от того, что помог другу избавиться от такого кошмара.

Менандер секунду подумал и энергично помотал головой:

– Этого мало.

– Конечно, если вы собираетесь предложить мне какую-то сумму…

– Никогда! Такого оскорбления я вам не нанесу. Другу предложить деньги? Разменять дружбу на зеленые? За кого вы меня принимаете, Джордж? Я имел в виду, что мало из-

бавить меня от телеклутцизма. Вы должны сделать больше.

– А что можно еще сделать?

– Смотрите сами. Всю жизнь на мою совесть ложились жертвы всяких бедствий – от неприятностей до катастроф – миллионы, быть может, невинных жертв. Даже если с этой минуты я не принесу никому зла – хотя и раньше я по своей воле никому ничего плохого не делал, и моей виной это никак нельзя назвать – эти жертвы для меня такое бремя, которое я не могу снести. Мне нужно что-то, что меня от него избавит.

– Например, что?

Например, мне должен представиться случай спасти человечество.

– Что?

– А чем еще можно искупить тот невообразимый вред, что я принес? Я настаиваю, Джордж. Если вы снимете мое проклятие, замените его способностью спасти человечество.

– Не уверен, что у меня получится.

– А вы попробуйте, Джордж. Не смущайтесь задачей. Я всегда говорил: если что-то делаешь, сделай как можно лучше. И подумайте о человечестве, мой старый друг.

– Погодите, – сказал я, несколько встревоженный, – вы же все перекладываете на мои плечи.

– Конечно, Джордж, – с душевной теплотой произнес Менандер. – Широкие плечи! Добрые плечи! Они созданы для бремени людского. Давайте, Джордж, по домам и снимите с

меня проклятие. И благодарное человечество засыпало бы вас благословениями, но оно увы, об этом не узнает, потому что я никому не скажу. Ибо стыдно выставлять напоказ добрые деяния, и вы можете положиться на меня, Джордж, – уж я-то не выставлю.

Как все-таки удивительна самозабвенная дружба, и ничто на земле не может *с* ней сравниться. Я тут же встал и вышел из ресторана так поспешно, что даже забыл оплатить свою половину обеда. К счастью, Менандер этого не заметил, пока я не ушел подальше от ресторана. Мне не сразу удалось вступить в контакт с Азазелом, а когда я до него дозвался, у него, похоже, не было настроения. Он был завернут в розоватое сияние и вопил, как свисток от чайника:

– Тебе не приходит в голову, что я могу пойти под душ?

И в самом деле, от него здорово несло нашатырным спиртом.

Я смиренно произнес:

– У нас невообразимо срочное дело, о Могущественный-Для-Прославления-Коего-Недостаточно-Слов.

– Говори тогда, только не вздумай мямлить целый день.

– Ни за что, – сказал я и с блестящей четкостью обрисовал ситуацию.

– Хм-м, – сказал Азазел. – Хоть раз а жизни получил от тебя интересную задачку.

– В самом деле? Ты имеешь в виду, что телеклутцизм существует?

– Конечно. Понимаешь, квантовая механика утверждает, что свойства Вселенной до некоторой степени зависят от наблюдателя. Точно так же, как Вселенная оказывает влияние на наблюдателя, так и он, и свою очередь, влияет на Вселенную. И некоторые наблюдатели на Вселенную влияют неблагоприятно – или, по крайней мере, неблагоприятно, с точки зрения других наблюдателей. Например, какой-то наблюдатель может ускорить взрыв сверхновой, и это может вызвать раздражение у тех наблюдателей, которые окажутся от нее в неуютной близости.

– Понял. Так можешь ли ты помочь моему другу Менандеру и снять с него эти квантово-наблюдательные эффекты?

– Это-то просто! Десять секунд – и я смогу вернуться под душ и потом на церемонию ласкорати, которую мы решили провести с двумя невообразимо прекрасными самини.

– Постой, погоди! Этого мало.

– Не дури. Две самини – этого вот так хватит. Только последнему развратнику может понадобиться три.

– Я имею в виду – мало убрать телеклутцизм. Менандеру нужно еще оказаться спасителем человечества.

Примерно минуту я думал, что Азазел собирается забыть нашу старую дружбу и все, что я для него сделал, стараясь снабжать его задачами, укрепляющими силу его мозга и волшебные способности. Я не все понял, что он сказал, поскольку большинство слов было на его родном языке, но на слух они больше всего напоминали распиловку а пилораме уты-

канной ржавыми гвоздями доски.

Остыв от белого каления до темно-вишневого, он спросил:

– И как это планируется сделать?

– Неужто это так трудно для Апостола Невероятного?

– Еще бы! Однако давай посмотрим. – Он на секунду задумался, а потом взорвался: – Да кому во всем мире понадобилось спасать человечество? Какой в этом смысл? Вы же провоняли целиком весь сектор… Ладно, сделаю.

Это заняло не десять секунд. Понадобился час и еще довольно противные полчаса, и Азазел все время хныкал и гадал, станут ли самини его ждать. Наконец он закончил, и я решил, что надо проверить, как поживает Менандер Блок.

Встретившись с ним, я сказал.

– Вы излечены.

Он посмотрел на меня с нескрываемой враждебностью:

– Вы знаете, что в тот вечер вы свалили на меня весь счет за обед?

– Это все же мелочь по сравнению с тем, что вас излечили.

– Я этого не чувствую.

– Ладно, поехали. Проедемся немножко на машине. Вы сядете за руль.

– Так уже облачно. Ничего себе исцелен!

– Поехали! Что мы теряем?

Он вывел из гаража свой автомобиль. На другой стороне улицы прохожий благополучно не споткнулся о полный му-

сорный бак. Менандер поехал по улице. При его приближении светофор не переключился на красный, и два сближавшихся на перекрестке автомобиля миновали друг друга на безопасном расстоянии.

Когда он доехал до моста, облака почти разошлись, и машину осветило солнце.

Подъезжая к дому, он плакал и не стыдился слез, так что мне пришлось поставить машину вместо него. Я ее малость при этом поцарапал, но ведь не меня же лечили от телеклутцизма. И вообще, могло быть хуже – например, я бы поцарапал свою машину.

Несколько дней он от меня не отходил. В конце концов, я единственный знал, какое чудо с ним случилось.

Он все повторял:

– Я пошел на танцы, и никто никому не наступил на ногу, и никто не упал и не сломал шею или пару ног, Я вальсировал, как эльф, и моя партнерша не жаловалась на тошноту, хотя и съела довольно-таки много.

Или что-то вроде:

– Сегодня на работе ставили новый кондиционер, и никто из рабочих не уронил его себе на ноги и не стал навсегда калекой.

Или даже:

– Я тут навестил приятеля в больнице, о чем раньше и мечтать не мог, и ни в одной палате, мимо которой я проходил, ни одна иголка не выскочила из вены ни у одного боль-

ного. И ни одна сестра не промахнулась мимо цели, делая внутримышечные инъекции.

А иногда он меня спрашивал:

– Вы уверены, что у меня будет шанс спасти человечество?

– Абсолютно уверен, – отвечал я. – Это часть курса лечения.

Но однажды он пришел ко мне и скорчил гримасу.

– Послушайте, – сказал он. – Я тут был в банке, хотел узнать, сколько у меня на счете, – там чуть поменьше, чем должно быть – из-за этой вашей манеры убегать из ресторана до подачи счета. Но я не смог получить ответ, потому что у них засбоил компьютер, как только я вошел. Никто ничего понять не мог. Это что, лечение кончается?

– Не может быть, – сказал я. – Это, скорее всего, к вам отношения не имеет. Может быть, другой телеклутц, которого не лечили. Может быть, он вошел одновременно с вами.

Но я был не прав. Банковский компьютер ломался еще два раза, и оба раза тогда, когда Менандер пытался выяснить состояние своего счета. (Его нервозность по поводу мелких сумм, на которые я и внимания не обратил бы, для взрослого мужчины просто отвратительна.) Когда же полетел компьютер у него в фирме в момент его прихода, то состояние, в котором он ко мне явился, можно было назвать только паникой.

– Это вернулось, Джордж! Это вернулось! И на этот раз

я не выдержу! Я привык к тому, что нормален, и к старому вернуться не смогу. Я должен себя убить.

– Нет, Менандер, нет. Это было бы уж слишком.

Он подавил уже готовый сорваться всхлип и обдумал мое глубокомысленное замечание.

– Вы правы. Это и в самом деле уж слишком. Лучше я вас убью. В конце концов, скучать никто не будет, а мне полегчает.

Я понимал его точку зрения, но сам смотрел шире.

– Прежде чем вы на что-нибудь решитесь, – начал я, – дайте я попробую разобраться, что случилось. Терпение, Менандер. В конце концов, все это случается только с компьютерами, а кому какое дело до компьютеров? Да гори они огнем!

Я быстро вышел, чтобы он не успел меня спросить, как же ему теперь проверить свой счет в банке, если компьютер при его появлении отказывается работать. По поводу счета у него вообще был пунктик.

А у Азазела пунктик был другой. Похоже было, что он занялся этими самини всерьез, и, когда явился, все еще вертел сальто. До сих пор не понимаю, какое отношение имеет к этому сальто.

По-прежнему в раздражения, он все же объяснил мне, что произошло, и теперь я был в состоянии объяснить это Менандеру.

По моему настоянию мы с ним встретились в парке. Я спе-

циально выбрал очень людное место на тот случай, если он потеряет голову в переносном смысле и у меня возникнет шанс потерять ее в прямом. Я сказал:

– Менандер, ваш телеклутцизм еще действует, но только на компьютеры. Только на компьютеры. Это говорю вам я. В отношении всего остального вы излечены – навсегда.

– Ну так вылечите меня и от воздействия на компьютеры.

– А вот это, Менандер, и не получается. Для компьютеров вы – телеклутц на веки вечные. – Последние слова я почти прошептал, но он услышал.

– Это еще почему? Ах ты волосатомозглая, неправдоподобная, всеклутцистическая задница поносного двугорбого верблюда!

– Такое нагромождение свойств делает определение бессмысленным. Поймите, Менандер, что это случилось только из-за вашего желания спасти мир.

– Не понимаю. Попробуйте объяснить. У вас пятнадцать секунд.

– Будьте же разумны! Над человечеством нависла опасность компьютерного взрыва. Компьютеры становятся универсальнее, способнее, разумнее. Люди все более и более от них зависят.

Уже возможно создание компьютера, который будет контролировать весь мир и не оставит человечеству никакой работы. И он вполне может решить избавиться от человечества как от ненужного придатка. Мы, конечно, утешаем себя тем,

что всегда можем «выдернуть вилку», но вы же понимаете, что сделать этого не удастся. Компьютер, достаточно умный, чтобы управлять миром, будет достаточно умен, чтобы защитить свою вилку – например, найти собственный источник электроэнергии. Это неизбежно, и такова судьба человечества. И здесь, мой друг, на сцене появляетесь вы. Вас ставят перед этим компьютером, или вы просто дистанционно вступаете с ним в контакт, и он тут же ломается, и человечество спасено. Человечество спасено! Подумайте – вы же этого хотели!

Менандер подумал. Но он не казался особенно счастливым.

– Но ведь пока что я не могу подойти к компьютеру.

– Дело в том, что компьютер-клутцизм должен быть закрепленным и постоянным – только тогда есть уверенность, что он проявится в нужное время и в нужном месте и что компьютер не сможет как-нибудь защититься. Это цена за тот великий дар спасительства, о котором вы просили и за который будут вас чтить все будущие века и народы.

– В самом деле? – спросил он. – А когда же это будет?

– Как говорит Азазел… мой источник информации, – сказал я, – где-то через шестьдесят лет или около того. Но посмотрите с другой точки зрения: вы теперь точно знаете, что доживете по крайней мере до девяноста.

– А тем временем, – Менандер повысил голос, и на нас стали оборачиваться, – тем временем мир все больше и боль-

ше компьютеризируется, и все больше и больше появляется мест, куда я и подойти не смогу. И все больше и больше вещей станут мне недоступны, и я буду как в тюрьме, которую сам себе построил…

Но в конце концов спасете человечество! Вы же именно этого хотели!

– К чертям человечество! – заорал Менандер и бросился на меня. Мне удалось вырваться, по только потому, что беднягу скрутили тс, кто стоял вокруг.

Сейчас он лечится у психоаналитика крайне фрейдистской ориентации.

Это ему обходится в целое состояние, но пользы, как вы понимаете, никакой. Закончив свой рассказ, Джордж заглянул в пивную кружку (я знал, что платить за пиво буду я). Он сказал:

– У этой истории есть мораль.

– Какая?

– Очень простая: люди неблагодарны!